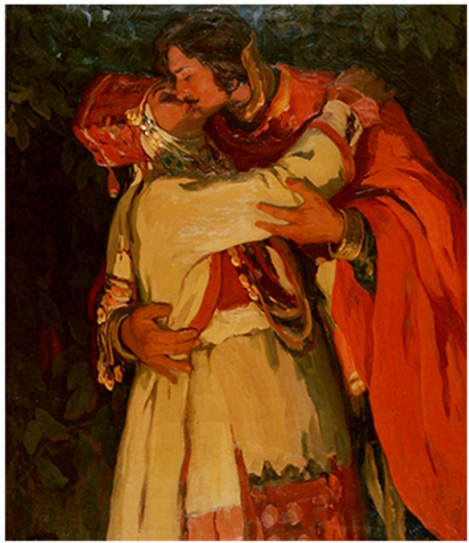
А.Л. Баркова

Интимная культура Руси?

18+

2025

Александра Баркова

Интимная культура Руси

https://litres.ru/72132988
SelfPub; 2025

Аннотация

Любовные письма на бересте? В "Слове о полку Игореве" есть эротика? Неужели в русских деревнях был разрешен добрачный секс? и внебрачный тоже??? И чего мы еще не знаем о "скрепах"?

...ой, сколького мы и не подозреваем! Например, о том, как вторжение Батыя нанесло такой удар по эротической культуре, что она только сейчас начинает приходить... на уровень XII века.

А еще нас ждет почти приличная информация о том, как отличить домонгольские былины от более поздних (спойлер: по женским образам) и совершенно неприличная - про то, какие эротические позы считались греховными, почему и чем это каралось.

Александра Баркова
Интимная культура Руси

Эта книга основана на курсе лекций

Вступление

Для начала я скажу вам довольно шокирующую вещь. Мы обозначили этот курс как интим на Руси, или более интеллигентно – "Интимная культура Руси". Но по сути своей такое название курса – все равно что "безалкогольная водка".

У нас слово "Русь" трактуется, я бы сказала, интуитивно понятно. И мы в это слово валим:

–во-первых, всю допетровскую Русь с древнейших времен до Петра Первого, когда она становится Россией;

– во-вторых, русскую народную культуру, которая нам известна по записям в основном конца 19 века и в меньшей степени начала 20-го.

То есть понятие "Русь", которое у нас приятным образом доходит до начала 20 века – это первая терминологическая проблема. Потому что именно терминологически это не корректно, но интуитивно понятно, иначе название будет слишком длинным.

Но еще б*о*льшая проблема с названием курса – это слово "интим".

Секс мы будем прямо называть сексом, это очень четкая терминологическая установка. Когда я захочу говорить про секс, я буду говорить про секс.

Что мы будем называть словом "интим"? Собственно интимное, то есть происходящее между двумя сексуальными партнерами и не допускающее посторонних глаз. Интимное – это личное, закрытое от посторонних.

И вот вам первый спойлер: в этом смысле из понятия "интим на Руси" у нас вылетает вся народная культура. Секса в народной культуре, мягко говоря, много, но интима там практически нет.

Второй вопрос, что у нас возникла в 90-е годы прошлого века проблема: слово "секс" тогда еще не было нейтральным, и возник термин "интим" как его эвфемизм. Я помню еще те времена, когда "интим" означало не секс. Но без возвращения слову "интим" изначального смысла мы просто не сможем разговаривать.

Часть 1. Варяжские страсти

Когда я готовилась к этому курсу, я его мысленно весь прокручивала, и стало мне чрезвычайно печально. Потому что ну ок, у нас есть "Слово о полку Игореве", где, несмотря на то, что общее содержание произведения, мягко говоря, не любовное, все ж таки мы про любовь находим довольно много приятного, разного и увлекательного. Хорошо.

А что у нас еще будет про любовь? Петр и Феврония? Это

совсем не про любовь в нашем с вами понимании, что и приводит к проблеме этого текста. Какие-нибудь там плутовские повести 17 века? Ну нет.

Письмо Татьяны к Онегину, конечно, про любовь. Но при наших определениях понятия "Русь" оно не входит в понятие "секс на Руси", "интим на Руси", "любовь на Руси" – иными словами, оно просто не влезает в наше понятие "Русь".

Ну хоть что-нибудь у нас, в родной культуре, есть про любовь?

На этот вопрос есть положительный ответ. Я могу даже сузить вам поиск и сказать, что это произведение русской *народной* культуры. Правда, там описывается не любовное томление, не Ромео и Джульетта и тому подобное. Но действие разворачивается, безусловно, между молодым мужчиной и молодой женщиной, и их чувства, несомненно, являются любовью, и эта любовь проявляется в действиях. И по их поступкам мы совершенно четко знаем, что они действительно глубоко, горячо, сильно любят друг друга.

И я бы сказала, что на фоне того, что нас ждет на этом курсе, это произведение, вам великолепно известное – настоящая отдушина, не знаю как для мужских сердец, но для женщин точно.

Что же это за произведение, прекрасно вам известное? Еще раз подчеркну, что любовь там выражается не в серенадах, не в конфетно-букетном проявлении, но в весьма решительных, я бы даже сказала, радикальных поступках. Ваши

варианты?

Нет, не частушки. Частушки – это такая гнусная похабень. К тому же частушка как таковая – это очень любопытное произведение в смысле его положения в фольклоре. Она тесно связана с *городским* фольклором.

Сказка "Финист ясный сокол" – это хороший ответ. Но "Финист ясный сокол" – это история, приятная сердцу женщины, и достаточно феминистическая. Потому что и образ героини, которая выручает героя, и образ спящего красавца не очень стандартны.

А мне, пожалуйста, сказку с совершенно нормальными ролями, нелюбезными сердцу феминисток, более тру-гендерными, где основная активность принадлежит мужчине. Мы ищем текст, где мужчина любящий, активный, готов ради женщины свернуть горы, женщина любящая, активная, но не активнее мужчины.

"Сказка о царе Салтане"? Это не русская народная культура. Это авторский текст. Причем больше того: кто слушал мои лекции или читал мою книгу по славянской мифологии, знает, что лебедь в русской народной культуре (и не только в ней) – это очень трагический образ, как раз свадебная лебедушка нам совершенно не в тему. И Пушкин был, по сути, первым, кто снял с образа лебеди народный ореол трагичности. Поэтому "Сказка о царе Салтане" не годится. Но нам нужен народный эквивалент "Сказки о царе Салтане".

Искать надо в сказках. Отдельная тема, что все сказки

имеют примерно мировые сюжеты, и Золушка известна по всему миру, вплоть до Китая. Там, впрочем, это мальчик, но это мало меняет дело.

Мы ищем русскую сказку, в которой находится та любовь, которую мы называем любовью. Эта сказка должна быть построена на принципе квеста, и это сказка с героиней-волшебницей, тип мудрой девы, которая достаточно активна.

Так что это за сказка? Вопрос для младшей группы детского сада.

"Царевна-лягушка". Вот идеальная русская история о любви. Если я говорю, что сто процентов из вас знают этот текст, я не имею в виду "Марью Моревну", которую могут знать не все. "Марья Моревна" – это для продвинутых.

"Царевна-лягушка" – отдых душевный для нас с вами. И этой благости больше практически нигде не будет.

"Аленький цветочек" – сказка европейская, "Красавица и чудовище", которую Сергей Аксаков просто переписал в русском стиле.

А "Царевна-лягушка" вполне отечественная. И это – эталон именно любовных отношений.

Будь как Иван-царевич

В "Царевне-лягушке" – очень интересный ход. То, что герой ищет себе невесту вслепую – это очень хорошее воплощение представления, что брак – никак не интимное дело. Брак, особенно союз знатных людей, построен на чувстве долга. Выбор невесты с завидной регулярностью – это дело

не женихов, а их отцов, и чем выше социальный уровень, тем регулярнее. Вот и в "Царевне-лягушке" царевичи женятся по указке отца.

Дальше идет гигантский мифологический комментарий, который не входит в этот курс, почему надо было выбирать невест столь экзотическим образом. Но заметим, что Иван-царевич – абсолютно стопроцентный идеал. Он верен долгу. Велено жениться на той, к кому прилетит стрела, – он готов жениться хоть на лягушке, и именно за демонстрацию своей верности социальным нормам он получает награду. Точно так же, как Золушка, которая *должна* быть кроткой, это тогдашние социальные нормы. Она следует социальным нормам – она получает принца.

Иван-царевич следует социальным нормам. Будь, как Иван-царевич, и окажется, что внутри твоей лягушки сидит самая распрекрасная раскрасавица.

Она проявляет всю необходимую социальную активность, тоже вполне образец для подражания, он, заметьте, проявляет личную свободу воли, сжигает ее кожу, все хорошо. Потом все оказывается не очень хорошо, потом он ее добывает…

Понятно, почему на этой сказке мы все воспитаны. Там абсолютно каждый элемент очень жизнеутверждающий и носит воспитательный характер.

На примере "Царевны-лягушки" мы прекрасно узнаем, что в мире есть любовь, и больше того – за любовь надо бороться. Я бы сказала, что "Царевна-лягушка" – это воплоще-

ние, конспект наших представлений о любви.

И заметьте очень важный момент. Европейская культура сосредоточилась в основном на любви внебрачной. Это может быть любовь добрачная или же супружеская измена.

Два основных цикла рыцарских романов, "Тристан и Изольда" и "Король Артур", построены на идее адюльтера. Об этом мы будем говорить позже в связи с "Анной Карениной". Вы не знаете ни одного масштабного произведения западно-европейской культуры, которое было бы посвящено такой экзотике, как любовь супружеская.

И именно супружеская любовь оказывается в центре русской домонгольской культуры. По крайней мере, именно ей оказываются посвящены любовные аспекты в "Слове о полку Игореве". И в "Молении Даниила Заточника", о котором мы тоже будем сегодня говорить, будет образ отношений жены и мужа.

В стандартной сказке ищут невесту. В хорошем русском сюжете мы говорим о чувствах между мужем и женой.

То, что сюжет "Царевны-лягушки" связан с возвращением жены, и в "Марье Моревне" герой возвращает жену, – это, я бы сказала, характерно русское явление.

И тут я, так сказать, сильно задрала нос, потому что кто читал мои художественные тексты, тот знает, что я обожаю писать про различные виды супружеской любви и прописывать страниц на много сцены супружеских постельных отношений.

Я хотела употребить слово "секс", но поняла, что оно будет здесь неточным. Секс – это половой акт, предмет эротического романа, за этим не ко мне, а вот постельные отношения – это очень интересная штука. Это все, что происходит с супругами в постели, а там много всего происходит, кроме секса. И прописывать супружеские постельные отношения я очень-очень люблю. Этак страничек на пять на одну ночь, им было чем заняться, в том числе и сексом, чего ж нет.

В этом смысле я сначала считала себя экзотикой, потом поняла, что нет-нет-нет, я нормальный русский писатель. И несмотря на то, что я с одиннадцати лет знаю "Тристана и Изольду" я оказалась стойкой к иноземным влияниям и их любви к адюльтеру.

Начиная с Нестора

Мы с вами начали с хорошего, чтобы потом перейти к плохому и очень плохому. Поэтому, когда вам станет тошно, вспоминайте "Царевну-лягушку" и думайте, что все не так ужасно. Потому что к плохому и очень плохому мы перейдем прямо сейчас.

Итак, у нас есть три абсолютно разных типа культуры. Первый – это, как я уже сказала, русская народная. И здесь очень любопытная есть цитата из Нестора. Утруждать вас древнерусским или точным переводом я сейчас не буду, приведу на память: в "Повести временных лет" Нестор пишет, что поляне были очень хорошие, но были еще и древляне. Они умыкали невест у воды и жили с ними скотским обра-

зом.

Компетентные товарищи пишут, что "скотским образом" означало вполне определенную сексуальную позу, когда женщина стоит на четвереньках, а мужчина над ней сверху, как это делают животные. Эту позу мы изящно называем "повернуться спиной", а неизящно – "поставить раком". Называйте как хотите, поза от этого не меняется.

Эта поза всячески осуждалась, но не самым страшным образом, именно потому, что это совокупление в позе животных. И поскольку народная культура до черта сексуальна, но не интимна, совокупление скотским образом, то есть во вполне конкретной позе, – это категорически не личное дело супругов. И кстати, касается оно именно супругов, не добрачного секса.

Я вас хочу подвести к некультурному вопросу, хотя что в нем некультурного, нормальное изучение народной культуры: зачем супруги, русские крестьяне, совокуплялись в скотской позе? Почему это ни в коем случае не интимно?

Это не прилюдное действие. Но ритуальное. Его функция – для приплода, чтобы у тебя все хорошо множилось. В первую очередь множились животные, во вторую очередь был хороший урожай. Ты принимаешь меры продуцирующей магии и совокупляешься в скотской позе – все просто, ясно и понятно, это научным термином называется принцип симпатической магии. Интимности в этом нету никакой.

И когда Нестор пишет, что древляне жили скотски, есть

серьезные основания полагать, что глагол "жить" может быть эвфемизмом к слову совокупляться. И по сути речь идет о том, что у них секс понимался именно как магические действия, необходимые для повышения плодовитости всего, что движется, и возможно, того, что не движется, то есть и скота, и урожая.

Это вам навскидку ближайший пример истинно народной культуры.

Почему я начала с Нестора? Чтобы вы восприняли тот простой факт, что Нестор отражает культуру десятого века, а использование соответствующей позы крестьянами для улучшения качества продукции зафиксировано исследователями в конце 19-начале 20 века. И мы можем говорить, что за отчетную тысячу лет вряд ли в народной культуре что-то радикально менялось.

Это хороший пример того, что в народной культуре секс – никак не интим. Практически всякий секс там поставлен в очень жесткое расписание.

И в связи с этим немножко пошокирую вас прямо сейчас: существует огромное количество названий деревень с матерными корнями, которые я не имею ни малейшего желания вам воспроизводить. Но интересно, что есть не просто какое-нибудь, пардон, Ебешино, но и есть название Неебешино.

Что это означает? Вполне возможно, что деревни с матерными корнями в названиях обозначали места, где проходи-

ли праздники типа Ивана Купалы, когда, естественно, секса очень много, но интима нет вообще, секс является санкционированным. Что означает название с приставкой "не"? Что секс санкционирован *не* здесь.

Я выдержу паузу, чтобы вам стало, я не знаю, хорошо или плохо, но чтобы вы себе представили эти названия русских деревень, как туристическую карту. Но она не для туристов, а для непосредственных участников.

Куда идти надо, чтобы заниматься сексом. Должны ли им заниматься все со всеми или более-менее попарно. Куда, наоборот, идти нельзя, потому что надо идти в другое место.

И после этого желание употреблять слово "интим" применительно к народной культуре у вас категорически отпадет. Она очень эротична, очень сексуальна, но абсолютно не интимна. И в таком качестве она просуществует тысячу лет. Это первая наша с вами составляющая.

Третья по хронологии составляющая, о второй позже, – это христианство. Очень подробно мы об этом будем говорить потом, а сейчас оговорим основные позиции. В идеале православие полностью было за воздержание, а супруги должны были жить в целомудрии.

"Тело свое в чистоте сберег до женитьбы, церковь свою сохранил святому Духу неосквернённой. И после бракосочетания так же тело в чистоте соблюдал, к греху непричастным", – сказано, к примеру, в "Житии Дмитрия Донского".

Но требование физического воздержания – это далеко не

самое страшное, что в этом смысле несло в себе православие.

Почему я употребляю слово "страшное"? Потому что сексуальное влечение есть вполне естественное человеческое чувство. Секс как непосредственный физический половой акт может быть плохим, хорошим – в том смысле, в котором говорят "ночь была удачной", более-менее регулярным, от секса как непосредственного физического соития вы можете отказываться, не отказываться, все это – сугубо ваше личное дело. Но сексуальное желание, влечение, влюбленность – это в огромнейшей степени источник и творчества, и разнообразнейших сил, и самореализации.

И вы прекрасно понимаете, что гигантское количество несчастных любовей, то есть чувства, которое сексом никак не завершилось, несчастная любовь на то и есть несчастная, безответная, дало самые разнообразные шедевры мировой культуре.

Тот же Гете писал прямым текстом, что его первая несчастная любовь дала миру Фауста. И сколько еще этих несчастных любовей разнообразнейших было.

И поэтому если к идее целибата можно относиться по-разному, то идея подавления сексуальных желаний – это идея, которая корежит человека психологически, на гормональном уровне. И именно на желание, на что я обращаю ваше внимание самым серьезным образом, в первую очередь ополчались самые разнообразные христианские деятели. Мы будем с вами читать это в следующий раз, я сейчас не буду

вас мучить этими цитатами.

Речь идет о том, что "плодитесь и размножайтесь" – это то, что Бог повелел людям, поэтому плодиться и размножаться положено, но без излишней страсти. То есть осуждался не сам секс, особенно супружеский, чего его осуждать, а осуждалась часто именно страсть между супругами. Иными словами, совокупляться нужно, но без чувств, без желания.

Я не сексолог и не знаю, как вообще мужчина может это все без желания делать, для меня это некоторая загадка, ну ладно. Но, как вы понимаете, женщина, которая обязана отдаваться мужу, не имея ни малейшего к нему влечения, – это просто ужасно и совершенно искорежено.

Более того, забегая вперед, православная церковь категорически осуждала эротические сны. Эротический сон – то, в чем следовало каяться на исповеди, получать за это очень жестокую епитимью и все такое.

Я, наверное, не скажу ничего удивительного для вас, но такие сны бывают в самом нежном возрасте. Эротические видения, эротические грезы возникают где-то лет с 12, а у кого и пораньше. Кто-то вообще рассказывает о том, что моя первая любовь была в детском саду, нам было пять лет, мы целовались в раздевалке. Такие истории не очень часты, но не единичны. И они оказываются категорически греховны.

Как мне совершенно справедливо пишут в чате, грехом считалось испытывать вожделение, в браке или нет, неважно. Все любовные чувства оказывались категорически под

запретом.

И в итоге последствия мы пожинали вплоть до известной фразы в 90-е годы, сказанной на телемосте, что в Советском Союзе секса нет, которая, мягко говоря, удивила американцев. Там, конечно, полностью было сказано "Секса нет, есть любовь", но вы понимаете, что это категорическое подавление любовной культуры дало свои очень и очень нехорошие плоды.

А когда в послепетровское время любовная культура пошла проникать с запада, то она пошла проникать более или менее в форме адюльтера. И в итоге именно не связанные с запретностью любовные чувства у нас как-то в культуре не очень-то хорошо и представлены.

Это третья составляющая, о которой мы будем говорить.

И наконец, есть вторая составляющая нашей сегодняшней лекции. Культура, где любовь – это совершенно нормальное чувство. Причем это может быть любовь как добрачная, так и брачная. И самый яркий пример любовной страсти, который нас ждет сегодня, – это страсть именно между абсолютно законными мужем и женой.

Причем, что любопытно, чтобы вы не думали, что там все было очень высокое, там были и вещи низменные. Этот тип культуры подразумевал порнографию – эротические картинки.

Культура, которая в своих высших проявлениях дает нам потрясающие образы супружеской любви и супружеской

страсти, а в низших проявлениях порнографию – это культура варяжская.

Любовь в Гардах

Относительно того, кто такие варяги, мы имеем два типа информации в "Повести временных лет". Во-первых, Нестор пишет, что послали за море к варягам, к руси. Я напомню, что в "Повести временных лет" слово "русь" пишется только с маленькой буквы и означает национальность. Единственное число от слова "русь" – "русин". И это же в "Русской правде" Ярослава Мудрого.

Итак, послали за морем к варягам, к руси. *"Те варяги назывались русью, как другие называются свеи, а иные норманны и англы"*… и так далее. То есть речь идет о народности северного происхождения.

С другой стороны, в той же "Повести временных лет" сказано, что славянский язык и русский язык един. Слово "язык" может обозначать "народ", и тогда мы говорим о тесной спаянности руси со славянами, может означать язык в лингвистическом аспекте, и тогда мы говорим, что переводчик им не требовался. По "Русской правде" Ярослава Мудрого это, в общем, довольно легко понять.

При этом какой-нибудь Константин Багрянородный, византийский император, давал название дрепровских порогов по-славянски и по-русски, и то, что он называл "по-русски" – это все исключительно скандинавские термины.

То есть варяги, они же русь как народ – это народность се-

верного происхождения, собственно говоря, даже не народность, а некая культурная общность профессиональных военных, которые были наемниками в каком-нибудь Новгороде, где, говоря интеллигентно, князей звали на княжение, и которые попереженились на славянских девушках. И поэтому славянский язык и русский язык един.

Опять-таки я напоминаю банальности, что русское слово "князь" с точностью до звука с соответствующими чередованиями соответствует скандинавскому слову "конунг". Это просто одно и то же слово в скандинавской и славянской огласовке, как в современной речи "чо", "что" и "шта". Разные огласовки и даже количество букв, но слово-то одно. Не говоря уж о том, что ни "что", ни "чо", ни "шта" не соответствуют классическому произношению русского слова – "*што*". "Князь" и "конунг" – это та же история.

Каждая дружина нуждается в укрепленном гарнизоне там, где она стоит. По-скандинавски то, что укреплено, называется "гард", по-славянски "город", и отсюда Киев – мать городам русским, то есть укреплениям, возведенным этими самыми варягами, которые поддерживают порядок в славянских землях и славянами более-менее правят.

Напоминаю, что в "Слове о полку Игореве", которое мы будем цитировать многократно, упоминается, и не раз, *русская земля*. Но понятия "Русь" нет ни в каком качестве. И есть прекрасное слово "русичи", которое логично означает потомки руси. Оно ни в коем случае не обозначает всех лю-

дей, населяющих славянскую землю, – только профессиональных военных. "*Дети бесовы кликом поля перегородили, а храбрые русичи перегородили червлёными щитами*".

То есть, когда мы применительно к домонгольскому периоду говорим о руси, мы имеем в виду культурную общность скандинавского происхождения, которая имеет большой опыт наемнической и не только наемнической военной работы на славянских землях. Русская земля – это, логично, земля, куда не надо приходить захватывать, потому что все, что можно захватить, уже прибрала к рукам эта самая русь с маленькой буквы.

Они поставили там свои крепости и, разумеется, повесили на ворота свои щиты в знак того, что эта крепость, эта местность находится под их охраной. Они грабят, но интеллигентно, то есть собирают дань с местных жителей. Дань – это такая культурная форма грабежа, которая устраивает примерно всех, это лучше, чем если тебя просто так ограбят. Они женятся на местных девушках, говорят на местном наречии, но вполне себе помнят свою родную речь, потому что рунические надписи сохраняются.

И вот варяги-то и оказываются носителями той самой приятной сердцу современной женщины культуры, где идет речь о взаимной любви.

Любопытна история, когда Ярослав Мудрый собирался выдавать замуж свою дочь Елизавету. Не Анну, про нее отдельный разговор. Про Анну знают примерно все, но у Яро-

слава вообще-то дочерей было в количестве, и среди них Елизавета.

Собирался он отдавать ее за норвержского короля, на север, в Скандинавию. Свадьба немного откладывалась. А поскольку викинги были такие интересные ребята, что поэзия у них была, мягко говоря, в почете, и умение складывать висы, то есть сочинять стихи, у них вполне себе нормальное, почетное дело, жених, Харальд Сигурдсон, обращается к своей невесте со стихами. Цитата из этих стихов стоит, чтобы ее привести.

"*Герд золотого обручья в Гардах пренебрегает мной*".

Герд золотого обручья – это поэтическое определение девушки, Гарды – это Гардарика, страна городов, которую мы, потомки, сейчас называем Русью, а они тогда называли русской землей.

По-разному трактуют эти строчки. Иногда говорят, что речь идет просто о любовном томлении. Другие крутят пальцами у виска: какое любовное томление может быть у викинга в 12 веке, речь идет о чем-то политическом… Тем более что автор стихов был позже прозван Суровым – и это на фоне собратьев!

Но неважно сейчас, что и как, важно, что любая женщина хотела бы получать подобного рода стихи от своего будущего мужа. И позже Елизавета и Харальд поженились.

Это действительно был период, когда внимание к чувству любви, и добрачной, видите, какая трагедия, в Гардах пре-

небрегает, и супружеской было характерной чертой русской культуры.

И пока мы не делаем примечание к слову "русской", все звучит просто совершенно замечательно. А потом мы вспоминаем Нестора, "Повесть временных лет", древлян, которые живут скотским образом, и понимаем, что когда мы говорим о домонгольской Руси, то мы очень четко противопоставляем, или сопоставляем, но все равно разделяем две культуры: русскую и славянскую.

В связи с этим я всегда очень люблю цитировать "Русскую правду" Ярослава Мудрого, который, как вы прекрасно знаете, заменял кровавую месть денежным штрафом. И что любопытно, он отдельно прописывал в "Русской правде", сколько надо платить за убийство русина и сколько – за убийство славянина. Суммы причем одинаковые, но разделы, в которых они фигурируют, разные. Никто не путал русина и славянина, все четко совершенно.

И домонгольская *русская* культура была этой самой культурой, отмеченной любовью.

Яз тебе хоцю, а ты мене

Я в этом большом монологе о трех составляющих достаточно резко высказалась о православии и о его отношении к любому любовному чувству. Но для развития *русских* любовных чувств – ну ладно, будем называть их варяжскими, так будет проще, христианство сделало одно очень-очень доброе дело.

Если вы подумали про моногамию, то зря. Как бы вам сказать поделикатнее… Оно, конечно, князья открыто двух жен не держали, но я вам страшную вещь скажу: если начать рассматривать, что и как реально было и до настоящего времени доходит, то, знаете ли, моногамия и в Советском Союзе тоже весьма относительна, хотя казалось бы. Сплошь и рядом читаем истории про то, что есть актер такой-то, жена у него такая-то, в браке сколько-то лет, и притом у него на стороне отношения и дети от другой женщины, безо всякого там развода. Поэтому с моногамией у нас все вообще довольно интересно, не говоря уж о наложницах. Канон предполагал, а человек располагал.

Мы будем с вами в следующий раз говорить весьма сладострастно о том, чем жизнь христиан в послемонгольский период отличалась от того, что требовали от них деятели церкви. Спойлер – всем.

Письменность – вот то, к чему я вас и подвожу. Я здесь не хочу использовать слово "Русь", потому что у варягов-то как раз были скандинавские руны, о чем вам сегодня уже было доложено. А вот у славян письменности не было просто потому, что эта культура ориентирована на устное слово, на сверхъестественно, по нашим понятиям, развитую память, которая гигантские тексты в себе хранит.

Поэтому письменное слово им не нужно, а были у них черты и резы, которыми они вели хозяйственные записи, календари, кто кому сколько должен и так далее.

Христианство приходит, естественно, с письменностью, она начинает очень быстро распространяться, причем не только среди знати, но и среди простых горожан.

Как вы знаете, священник не может быть рукоположен, пока он не женат. И если первое поколение священников приезжает в русские города, варяжские города, из Византии, то они приезжают с детьми, дети их женятся, старший сын наследует приход. Поп учит грамотности всех своих детей – я не сказала "сыновей", я сказала "всех детей", с гендерным равенством в домонгольской Руси было хорошо по меркам 10-го, 11-го, 12-го веков, то есть девочки учились тоже.

Двадцать лет плюс-минус – нормальный возраст для свадьбы, жениться в возрасте до двадцати лет – это все же рановато, а двадцать восемь и даже двадцать пять – это какая-то безумно старая дева по тем временам, уже все несерьезно.

Вот и считайте: за сто лет вы получите пять, а может быть даже шесть поколений. И в семьях было не один, не двое детей.

Рожали много, но и умирали много, так что семеро по лавкам, конечно, это скорее исключение. Однако в каждой семье выживает, ну скажем, пятеро хотя бы, у них свои дети вырастают, и все они грамотные. Любители математики могут рассчитать, сколько грамотных людей появится за сто лет, и получат очень интересные результаты.

И поэтому мы имеем свыше тысячи новгородских берестяных грамот, которые в основном посвящены финансовым

вопросам, но встречается там и интересующая нас любовная тематика. И то, что в Новгороде грамотны были примерно все, говорит о среднем уровне грамотности по русским городам.

Напоминаю тот банальный факт, что в Новгороде почвы с повышенной влажностью нижних слоев. Это плохо для урожая, но хорошо для сохранения бересты. И поэтому границы нахождения берестяных грамот – это по сути граница конца неплодородных севернорусских почв. Южнее они просто не сохранились.

Там, где плохая, неплодородная северная почва, Новгород был полностью зависим от привозного зерна, там сохраняются берестяные грамоты. А в Москве их, сколько я знаю, штуки три. Причем третья – очень большая, потому что ее нашли не в почве, а в каменном гробу, она там отлично сохранилась. А так в московской почве берестяные грамоты практически не хранятся.

Итак, мы имеем домонгольский русский город, грамотный поголовно, где пишут в частности и о любовных делах тоже. И что прекрасно, у нас есть грамота новгородская с предложением руки и сердца, где это предложение следует в весьма откровенных словах. "*Пойди за мьне. Яз тебе хощю, а ты мене*", – пишет некий Микита некоей Ульяне, добавляя, что тому свидетель такой-то. Дальше у читателей начинается эротическая фантазия, чему именно он мог быть свидетелем. Ну в общем говоря, чему угодно, в том числе и ничему

интересному.

Но сама грамота с предложением руки и сердца подразумевает свободу выбора горожанки. Если ей пишут любовную записку, она, логично, может ответить отказом, такой обмен любовными письмами предшествует сватовству. Свататься пойдут потом.

Сватовство не скроешь, сватающиеся люди имели особую одежду, и по ним было видно, что они идут не зачем-нибудь, а свататься. Мы будем говорить об этом, когда дойдем до народных обычаев. И логично, что если вы придете сватать и вдруг получите отказ, абсолютно каждый будет вас спрашивать ну че-как, и отсутствие оповещения о будущей свадьбе тоже будет против вас, то есть вы окажетесь опозорены. Допускать неудачи в сватовстве нельзя.

И этот самый новгородец Микита написал своей девушке, чтобы получить от нее согласие. Смска чистейшей воды.

Я, конечно, не читала всю тысячу найденных грамот, но что-то я читала просто так, что-то мы проходили в школе, очень мало, что-то в университете читали, проклиная все на свете, потому что там очень-очень-очень далекий от литературного язык не в смысле непристойных выражений, а в смысле особенности живой речи. Было чистое проклятие, грамота на десять строк, сидишь два часа с трехтомным словарем и в итоге переводишь ее неверно, потому что там черт ногу сломит.

Так вот, почти все новгородские грамоты, именно новго-

родские – это типичные смс или сообщения в мессенджерах.

И мне прямо интересно, насколько хорошо зарабатывали новгородские мальчишки. Ведь все эти смски, поклоны от Пермяты к Вышате и так далее, должен был кто-нибудь носить. И вот они носились по Новгороду с этими смсками и логично не за бесплатно, а за джинсы, жвачку или какую-то другую варяжскую денюшку. Или не варяжскую, мальчишки, я думаю, были готовы к принятию разнообразных валют разнообразных народов. В общем, интересно они там жили.

Я посылала к тебе трижды…

Среди новгородских грамот у нас есть прекрасное трагическое любовное письмо, просто письмо Татьяны к Онегину. На самом деле не совсем, потому что Онегин был честный человек, поэтому, когда он получил письмо Татьяны, он, как честный человек, с глазу на глаз ей объяснил, что так себя вести не надо. Он ее не любил, но опозорить мог. Но как благородный человек, он ее не опозорил, повел себя очень достойно.

А тут у нас история про то, что в паре любовные отношения были, а дальше он ее разлюбил. И она ему пишет, читаю в переводе, прекрасные совершенно слова: *"Я посылала к тебе прижды. Что за зло ты против меня имеешь, что в эту неделю ты ко мне не приходил? А я к тебе относилась, как к брату!"*

Интересно, что фраза "относилась как к брату" притом, что письмо явно любовное, подразумевает не целомудрен-

ные чувства, а **силу** чувства.

"Неужели я тебя задела тем, что посылала [к тебе]? А тебе, я вижу, не любо. Если бы тебе было любо, то ты бы вырвался из-под [людских] глаз и примчался… Может я тебя по своему неразумию задела, если ты начнешь надо мною насмехаться, то судит [тебя] Бог и моя…"

Тут переведено дальше как "худость", в оригинале – то же самое слово. Но худой – это же плохой в разных смыслах. Так что я бы перевела как "моя беда", "мое несчастье", както так. То есть тебе осуждением будет моя беда.

Я вам только что напомнила Татьяну с Онегиным. Тут девушка опасается, что он начнет над ней надсмехаться, что она проявила свою любовь к нему. Возможно, у него есть письменные доказательства ее любви, не считая данного конкретного письма, возможно, у них была в прошлом любовная переписка.

Тут можно обратиться к западно-европейской культуре, где шантаж любовными письмам был, мягко говоря, распространен. Поэтому при разрыве отношений считалось нормой поведения для приличного человека вернуть эти письма, иначе ты просто можешь шантажировать ими.

Мне тут дали вариант, что "моя худость" – это книжное христианское самоуничижительное обозначение себя. Тогда получается перевод – судит тебя Бог и я. Ну, может быть и так. Но нас-то интересует другое: она к нему неоднократно посылала, то есть инициатива, исходящая от девушки, – это

нормально. Она неоднократно проявляла свои чувства в возлюбленному, причем через третьих лиц, она к нему посылала, тому есть свидетели такие-то. Иными словами, у них со свободой добрачной любви все в порядке, может быть и отвергнута и женская любовь, и мужская. И случиться такая вот трагедия.

И всегда очень сопереживают наши братья-филологи обоего пола этой безымянной новгородской девушке. И судя по тому, как она богато, выразительно пишет, она не просто образованная, она хорошо образованная девушка, принадлежит явно к одному из высших слоев. И, несмотря на это, она, тем не менее, имеет право на свободные чувства.

И кстати, к вопросу о предложении руки и сердца, о котором мы говорили ранее – вполне возможно, что там упоминается как свидетель человек, который не со свечкой во время секса стоял над ними – добрачный секс, естественно, был в общем разрешен, а просто-напросто записочки им носил. Это самый простой и разумный вариант, чему он свидетель.

Больше того, вам щас экспромтом мысль: может быть, этот свидетель – тот, кто и несет это конкретное послание, почему бы, собственно, и нет.

Короче говоря, ситуация любовных отношений, инициатором которых может выступать как юноша, так и девушка, с возможностью отказа как с той, так и с другой стороны, с соответствующими свидетелями как с той, так и с другой стороны, записочки носили, – это норма. Вот она, картина

их жизни.

Это о пользе письменности, принесенной христианством для отношений, я бы сказала, красивых. Они могут быть счастливыми, как в случае предложения руки и сердца, несчастливыми, но они все, черт побери, красивы. Я вот в своей жизни писала несчастные любовные письма, как же без этого, но я так красиво выражаться не умела.

Как и куда подложили свинью

Ну а теперь, поговорив о высоком, мы, разумеется, переходим к низкой тематике.

Нам известны весьма интересные изображения на Золотых воротах в Киеве, причем одна картиночка изображает мужчину и женщину, а вторая – мужчину и не угадаете кого. Интеллигентные исследователи атрибутировали ее как охоту на кабана – в том смысле, что охотник с копьем и все такое. Исследователи менее интеллигентные внимательно посмотрели, сказали, что копье у охотника находится как-то довольно низко, а руки до копья как-то не очень доходят. И вот тут мне стало очень интересно.

Понимаете, какая штука: я всегда люблю говорить нехорошую такую вещь, что в современном русском языке нет нейтрального славянского слова для обозначения секса. Само слово "секс" у нас в настоящее время принадлежит к абсолютно нейтральной лексике, но это слово заимствованное, причем очень поздно. Даже в научных работах рубежа 20 и 21 веков, например в энциклопедии "Славянские древно-

сти", которая именно тогда вышла, используется термин "коитус", а не секс, причем в других случаях слово "коитус" из стеснения пишут латиницей. На этапе 2000-го, даже 2005 года слово "секс" еще не принадлежало к нейтральной лексике.

Сейчас оно абсолютно нейтрально. В кои-то веки у нас появилось пусть заимствованное, но хотя бы нейтральное слово для секса. А так с сексом лингвистические проблемы.

Однако я замечу, что слова "мужеложество" и "скотоложество" обозначают весьма неприличные аспекты, но, в отличие от мата и всякого разного другого, принадлежали всегда к абсолютно нейтральному слою лексики, они стопроцентно нейтральны, что меня всегда очень сильно веселило. И когда нам пытаются доказать, что гомосексуализм – это что-то заморское, идейно чуждое русской культуре, я всегда говорю: простите, а как же быть со словом, в котором два славянских корня – "мужеложество", оно относится к очень древнему слою русской лексики. И все хорошо, слово нейтральное, хотя лично я ничего хорошего в мужеложестве не нахожу.

И, конечно, там, где мы упоминаем скотоложество, я всегда радостно произношу термин "птицеблудие". У меня с этим словом был смешной опыт: когда я его впервые узнала, мне было сорок пять лет, казалось бы, не девочка. Так вот, я покраснела просто как маков цвет, я долго бегала по потолку с воплями "а как вообще это", мне компетентные люди объяснили, что яйцо, особенно утиное, довольно большое, и следовательно, воспользоваться птицей, в частности уткой,

в этом аспекте ничто не мешает… и так далее.

Поэтому сразу отмечаем этот факт – мужеложество, скотоложество и птицеблудие были примерно всегда, и на определенных этапах русской культуры они были практически легализованы. Это были самые разные периоды, забегая вперед, это было и при Иване Грозном, и при Алексее Михайловиче, и при Петре Первом, относились к этому довольно спокойно.

Возвращаясь к той самой картинке, которая "охота на кабана". Понимаете, какая штука: утка, конечно, может ущипнуть, но она сравнительно безопасная. А вот что касается скотоложества со свиньей, то мне на этот счет подумать страшно. И у меня большие вопросы к картинке в том смысле, что если мужчина хотел использовать животное с этой целью, то разумнее брать овцу, известна история про корову, и крайне неразумно брать свинью, просто потому, что это хищное животное. Я напоминаю всем прекрасно известную историю из поэмы Некрасова "Кому на Руси жить хорошо", когда свинья, вполне домашняя, не дикая, съела двухлетнего мальчика. (И это почему-то проходят в школе. На меня это производило чудовищное впечатление, я отказывалась верить в смысл прочитанных мною вполне русских слов).

Мы сейчас не будем рассматривать тему свиней у кельтов, я скажу несколько буквально слов о том, кто такой кельтский свинопас. Это очень высокий человек, вооруженный серьезной дубиной, который способен с этой дубиной со свинья-

ми управляться. И образ свинопаса как мрачного, угрюмого, естественно, ходящего со своими свиньями неизвестно где, в кельтской культуре очень четко представлен.

Быть свинопасом – это очень серьезное опасное дело, недаром они потом в рыцарских романах прямиком в великанов мутируют, и как вы понимаете, вы в рыцарских романах можете встретить довольно много великанов, и все они будут один другого отрицательнее. Характер там тот еще.

Конечно, если ты способен пасти свиней, и они тебя не съедят и слушаются, а еще и кабанчик может быть какой-нибудь, и ты с ним можешь справиться, тебе очень-очень есть чем гордиться.

Так что, когда вы встречаете в текстах по мифологии, что свинья – это образ владыки преисподней, надо понимать, что для таких представлений есть серьезные основания. И не забывайте, что в моей любимой сказке типа "Иван Быкович" герои завалили трехглавого змея, шестиглавого змея, девятиглавого змея, а потом за ними гонится мать этих змеев. А мать имеет обличье свиньи, и эти крутые герои могут только драпать от нее и потом эту свинью будут очень-очень по-хитрому убивать. Кстати, ухватив клещами за язык. Но и обычная свинья – животное весьма опасное.

Но поставьте себя на место стражника золотых ворот. Вы стражник, то есть вы, может быть, и рядовой, но, говоря языком современной армии, гвардии рядовой. В воротах стояли не абы кто, а дружинники, профессиональные военные, но

разумеется, низкого звания.

Вы стоите в воротах, вам скучно. Вы на камушке процарапываете свои эротические фантазии.

Относительно той порнографической картинки, где совокупляются с женщиной, ведутся очень серьезные дискуссии. В них мало участников по понятным причинам, но это не мешает дискуссиям быть серьезными. Там сложности с головным убором мужчины, некоторые говорят, что это экзотический головной убор, некоторые говорят, что изображен оборотень в процессе смены головы с экзотической на звериную, что-то такое. И это интересная версия. То есть эротическим фантазиям дается некая воля. И соответственно, совокупление со свиньей.

Мало того, что там, выражаясь эвфемизмами, копье у охотника размером с копье, что уже говорит о гиперболизации, но и тот факт, что это происходит со свиньей, может быть гиперфантазией.

В реальности, если использовали зверушку, то менее опасную, чем свинья, это фантастическая картинка, я в этом почти уверена.

Мне тут пишут сейчас в чате: год назад услышала песню, которая начинается со слов "когда люблю свинью". Понимаете, какая штука. В песнях много чего интересного бывает. Скажем так, я не настаиваю на том, что секс со свиньей невозможен, как вы прекрасно понимаете, у меня тут не то что личного опыта, но и этнографического материала нету,

но можно поспрашивать зоологов, если интересно, тех, кто в свиньях разбираются лучше, чем мы, насколько секс со свиньей безопасен. По крайней мере, мне это кажется очень сомнительным, особенно учитывая, что там же и тогда же, возможно, нарисованы изображения фантастические.

Так вот, скотоложескую свинью,во-первых, нацарапали в воротах. И есть вариант, что это тупо оберег. Враг, говоря при дамах, не пройдет. Как это сказать-то прилично… побеждал я вашего врага, картинка прилагается.

Я недаром вам процитировала сказку про Ивана Быковича, где свинья страшнее всех змей. Враг не пройдет, никакая злая сила, никакая демоническая сила эти ворота не преодолеет, говоря интеллигентно. А все неинтеллигентное нам нарисовали. Дадада, не лезь, отымеют, именно так. Ничего хорошего вам.

Русский народ по этому поводу выражается короче, а варяжский народ по этому поводу сказал: я ему ответ писать не буду, я ему нарисую. Наш ответ всем вражеским силам, которые пытаются проникнуть в наш прекрасный город.

Мне нравится идея с этой свиньей как просто-напросто выражением оберега, почему бы, собственно, и нет. Что это не эротические фантазии, а вполне магическая практика, что картинка имеет заклинательный характер.

В других случаях именно из домонгольского периода нам известны изображения обнаженных женщин, и лепили их из глины. И там же, где в Полоцке найдены изображения обна-

женных женщин, найдены и рунические тексты. Перед нами опять проявление варяжской культуры.

Зачем нужен мат?

Очень хороший комментарий написали в чате, что свиноложеская картинка создана как оскорбление свиньям, это не эротика, это хула.

Я вам скажу еще больше: зачем нам нужна в современном языке матерная лексика? Отдельный разговор, откуда и как она взялась, какое ритуальное значение она имела, тратата. Но в современном русском языке матерная лексика, то, что мы вынуждены слышать на улицах, идет как экспрессивное усиление. А все экспрессивные выражения нам нужны для некоторого гормонального всплеска.

Сейчас мат используется убого, он дает очень мало гормонального всплеска, неприличия в нем много, а пользы мало. Но мне доводилось слышать рабочие беседы людей, у которых работа умственная, но очень напряженная. Они делают серьезные интеллектуальные проекты, бывает, что они спят по два часа в сутки, такая вот у них нагрузка. Это люди не просто с высшим образованием – я назову их умнейшими в моем окружении.

Один из участников находился при мне и общался в голосовом чате с коллегами. Какой мат там стоял… я вам это не процитирую. Но во-первых, их мат, в отличие от того мата, который мы слышим на улицах, весь построен на суффиксах и приставках, и там филологу есть что записывать. И во-

вторых, понятно, что их экспрессивная лексика абсолютно функциональна, потому что в их работе с гигантскими нагрузками им необходимы допинги. Они могут быть самыми разнообразными, и я бы сказала, что мат из них из всех наименее вреден для здоровья.

Подобная эмоционально-усилительная функция мата вполне понятна и абсолютно не осуждаема. Больше того, в такой ситуации она неизбежна.

Это мы приближаемся к найденной археологами матерной берестяной грамоте. История с ней весьма любопытна. Брат пишет брату некие наставления, как тот должен себя вести. Адресат не потрудился даже другой кусок бересты взять, а прямо на этом же нацарапал очень интересные слова: "Якове брате, еби лежа". Причем оно так же по-древнерусски и звучит. Что, собственно, он хотел сказать?

Вам подробно объясняют, как вы должны жить. Смысл ответа, надо сказать, вполне цензурный, выражен нецензурно: он подразумевает – не умничай, не выделывайся. Хороший литературный вариант перевода этой фразы – "Будь проще".

И к этому ответу есть весьма серьезный комментарий. Этот самый адресат наставлений прекрасно знает, какие существуют позы для секса. Понятное дело, что он знает про позу скотскую. Но заметьте, что предложение заниматься сексом лежа означает, что существуют позиции сидя, стоя. И они ему известны. Но эти позиции считаются ненужными. То есть секс в интересных позициях, интересных в прямом

смысле слова, существует, но осуждается. Вот таким вот интересным образом у нас обстоит дело.

Получается, что у них некие бурные сексуальные чувства и между мужем и женой – вполне нормальное дело.

С девственностью было по-всякому по-разному. В принципе, чем выше социальный статус, тем критичнее девственность. Относительно домонгольских знатных девушек скажу честно: нет данных. Относительно крестьян будем говорить подробно далее. Но я сразу хочу сказать: чем сильнее в конкретной культуре христианство, тем выше требования к девственности. Причем речь идет не о типе культуры глобально, а о культуре в данной местности.

Каковы были требования в русской деревне? Правильный ответ на этот вопрос – а вы деревню какой области, какого района имеете в виду? Потому что в каких-то областях это требование близко к стопроцентному, а в каких-то областях оно примерно такое: чего, девственница, правда? Ух ты, наадо же.

С учетом того, что с христианством у нас в домонгольский период было по-разному, и есть упоминания о том, что празднуются языческие праздники, где, естественно, эротика разрешена, найдены женские серебряные браслеты с языческими сценами, и прочее, прочее в том же духе, я не дам вам стопроцентной гарантии, что даже и княжны все сохранили девственность до свадьбы.

С другой стороны, мы увидим тему женской неверности, а

мужскую неверность и обсуждать-то нечего, моногамия была, в общем, только на бумаге, существовали наложницы и так далее. И вот, пожалуйста, пишут, к вопросу о моногамии и ее формах. Скандальная история: сын Мономаха Ярополк женился на пленной половчанке. Все в шоке: любой нормальный князь пленную половчанку делает своей наложницей, а тут он, понимаете ли, взял и на ней женился. Скандал, ни о чем другом в ближайший месяц не разговаривали.

Проблема мужской неверности – настолько не проблема , что мы говорим: удивительное дело, сделал бы наложницей, а он бац – женился. Сам факт наличия наложницы не удивляет, разумеется, никого.

И в этой ситуации разнообразие сексуальных поз – то, в чем они живут, то, что у них есть, то, что не обсуждается вообще и даже, я бы сказала, не очень осуждается. Но вот – будь проще, занимайся этим лежа.

Муж как свет очей

Теперь мы поговорим о неверных женщинах. И здесь у нас имеется текст "Моление Даниила Заточника". Это текст 12 века, с ним большие сложности, когда и как он записан, насколько там есть поздние или не поздние вставки.

Суть его такова: некий человек, будучи изгнан, видимо, лишен положения при княжеском дворе, обращается к князю с просьбой вернуть его в число советников, к нормальной придворной жизни. И, как я уже сказала, в этом тексте вдруг идут некоторые вставки, в том числе вставка о неверных же-

нах.

Текст, во-первых, очень интересен по своей рифмизованности. Кто слушал мой курс по русской литературе, тот знает, я это неоднократно говорю, что господствующим стилем в домонгольской древнерусской литературе был стиль прозопоэтический. Последние его памятники – это "Слово о полку Игореве" и "Слово о погибели русской земли".

А потом, собственно, все. Пришли татары, и прозопоэтический стиль просто погибает. Осторожно, двери закрываются, следующая станция – "Мертвые души". А еще говорят, что ига не было. Дадада, конечно.

Один из итогов ига – гибель всеобщей грамотности городского населения, следующая станция – Советский Союз. 1240 год, взятие Киева Батыем, и дальше только СССР. Вдумайтесь в это.

Царская Россия так и не поднялась на домонгольский уровень, чтобы у нас настолько грамотным было городское население (речь идет не о высших классах, а, например, о рабочих и прислуге, которых в городах было огромное количество, и они были в большинстве своем не грамотны). О деревне и говорить нечего.

Прозопоэтический стиль у нас до Гоголя отсутствовал, отношение к сексу такое, что мы сейчас еле-еле на домонгольский уровень возвращаемся.

К вопросу о том, что надо лежа. В Советском Союзе ситуация, что муж и жена, обычные советские супруги, не ви-

дели друг друга обнаженными, считалась совершенно нормальной и правильной. И старшее поколение может ставить в заслугу себе, что мол мы столько лет прожили в браке, у нас ребенок, может быть, не один, но мы никогда не видели друг друга обнаженными. Боже-боже, сексуальные всевозможные позы в Советском Союзе – что вы, что вы. Да нет, ни в коем случае.

Вдумайтесь: та интенсивность именно супружеской сексуальной жизни, которая была в домонгольский период, вновь достигнута только в двадцать первом веке. Это даже не двадцатый. К вопросу о том, что ига не было.

Так вот, возвращаясь к "Молению Даниила Заточника". Текст написан в прозопоэтическом стиле, от чего в переводе на современный русский язык он разбит на строки, как стихотворение, такой хороший верлибр. И там в какой-то момент идет образ неверной жены, которая на самом-то деле, конечно, обманывает мужа, но при этом ему говорит:

"Господине мой и свет очей моих, я на тебя не в силах смотреть. Когда ты говоришь со мной, тогда лишь гляну и обмираю, и содрогаюсь всем телом, и падаю на землю".

Видимо, здесь она преувеличивает свои к нему чувства. Помните, как у Шекспира в "Гамлете" леди протестует слишком бурно? Леди слишком щедра на обещания.

Она подчеркивает свою любовь к мужу, уверяет, что любит так сильно, что только взглянет на него – и падает в обморок. А на самом деле это злая жена, она его обманывает.

В общем, довольно, я бы сказала, точная психологически мысль, что если женщина тебе не верна, то она свою любовь будет всячески подчеркивать и гиперболизировать. А на самом деле она поганая обманщица.

Но нам с вами этот коротенький монолог неверной жены чрезвычайно интересен в том плане, что жена свои чувства к мужу, не к жениху, не к юноше, в которого она влюблена, а к мужу выражает в столь страстных выражениях – я так тебя люблю, что едва на тебя посмотрю, так сразу обмираю. Что такое "обмирать"? Это именно упасть, как будто ты мертвая, упасть в обморок.

Уж наверное, жена не может падать в обморок при виде своего мужа, она его видит довольно часто, и что же, она тогда постоянно в обморок, что ли, кувыркается? Это неестественная гипербола, от чего понятно, что жена не верна, что она лжет. Но сама мысль о том, что замужняя женщина может так страстно, экспрессивно выражать свои чувства, для них абсолютно нормальна и естественна.

Я вот, ей-богу, не знаю, вы хоть какие-нибудь аналоги в литературе встречали, чтобы замужняя женщина, пусть не до такой степени, что посмотрю на мужа и сразу в обморок падаю от своей великой любви, в более разумных выражениях, но проявляла бурно свои чувства по отношению к мужу?

Вот я ищу аналогов и их не нахожу. Ну разве что цикл об Анжелике, который относится к специфическому жанру и уж точно не входит в число шедевров высокой литерату-

ры. Вот мне еще Тагора упомянули, но это не Европа. Письма Чехова к жене не считаем, и тут скорее вопрос, что она ему писала. У Чехова есть всякие разные интересные вещи, он много в чем нестандартен в описании любви, но и у него я произведений о страстных чувствах жены к мужу не припомню.

Для меня как для писателя это некоторая проблема, потому что у меня есть некий сюжет, где речь идет об очень страстном чувстве между супругами, и я этот текст с 15 дай боже года все не решаюсь написать. Я не знаю, как писать так, чтобы это было нормально понято читателями, чтобы это не воспринимали как дамский роман, который отвечает вполне конкретным потребностям одиноких или даже не одиноких женщин.

Самая горячая пара древнерусской литературы

От бурного выражения чувств неверной жены мы с вами логично перейдем к чему-нибудь хорошему. И к бурному выражению чувств различных *верных* жен. То есть мы с вами переходим к обещанной эротике в "Слове о полку Игореве".

Когда я делала анонс курса, мне говорили: что? В "Слове о полку Игореве" есть эротика? Где?

Там есть фраза "помчали красных девок половецких", и все женщины стыдливо покраснели при мысли о том, а что, собственно говоря, за этими словами стоит. Разумеется, стоит изнасилование пленниц. Это дело стандартное, обычное, печальное, но что с ним поделать. И речь, конечно, не о нем.

Там тоже есть монолог жены, на этот раз жены верной. Это плач Ярославны. Но с ним проблема: он не эротичен ни в малейшей степени. Зато это, наверное, самое развернутое обращение любящей жены к мужу, которое я в русской литературе встречала.

Лев Толстой, как мы знаем, просто отрезал эту тему ножом, сказав, что все счастливые семьи счастливы одинаковы. Как нам рисуют образ брака Ярославны и Игоря в "Слове о полку Игореве", несчастье этой семьи заключалось только в его плене и в ее соответствующем горе, которое она в своем плаче изливает.

Я не знаю образа в нашей литературе, чтобы героиня литературного произведения столь развернуто, страстно, красиво, подробно выражала свое чувство любви к мужу. В массовое сознание, сознание образованных современных людей , аналогичного "Слову о полку Игореве" текста не входит, это точно. Может быть, где-то у современных авторов такое и есть, но большинство из нас этого не знает.

Но я, конечно, сейчас даже не о Ярославне. Я о князе Всеволоде.

Всеволода называют очень интересно: буй тур. И это игра слов. С одной стороны, это тюркское слово "багатур", которое означает, грубо говоря, генерала. Это полководец, командующий крупным войсковым соединением. С другой стороны, его называют не "багатур", откуда, собственно, и взялось слово "богатырь" в былинах, а "буй-тур".

За обозначением крупного военачальника в тексте дан образ тура – дикого быка. Очень опасное животное, поэтому на него князья охотились. Владимир Мономах упоминает, как его тур вместе с конем швырял на землю. Восемьсот килограммов, полтора метра в холке, совершенно страшная скотина.

Но Всеволод – не просто тур, он буй тур, или в других случаях яр тур. Корень "яр", известный нам по имени бога Ярило, обозначает весну, молодость, ярость, и есть основания полагать, что он также обозначает сексуальное возбуждение.

"Яр тур" – это тур в состоянии гона, когда он ищет самку и от этой самой эротической ярости не соображает абсолютно ничего. Кого-то страшнее яр тура вообразить себе было невозможно.

Слово "буй тур" обозначает примерно то же самое. Это, в общем, синонимы.

Всеволод сражается против насевших на него половцев. Говорится, что он бьется двумя мечами, видимо, по мечу в каждой руке, и всюду лежат разбитые вражеские головы и так далее. Конечно, это гипербола, вполне эпическая, – бой человека с войском. Он же все-таки русич, потомок скандинавов, берсерков, он, видимо, впадает в боевое безумие, сражается двумя мечами, и "Кая раны дорога, братие", то есть какая рана сдержит его, братья (это обращение к слушателям). То есть, впав в боевое безумие, он не чувствует нано-

симых ему ран.

И вероятно, что за этим описанием, пусть гиперболизированным, стоят реальные факты. Всеволод в боевом безумии один сражается против многих.

Я деликатно замечу, что если человек обладал способностью впадать в боевое безумие, его товарищи по понятным причинам в бою от него держались подальше. Потому что, если ты впадаешь в боевое безумие, ты крушишь всех – не врагов, а просто всех. Берсерк в боевом угаре мог убить всех, кого любил. Тормозятся они только истощением – или смертью, если кому повезет его убить.

Поэтому разумные русичи близко к князю Всеволоду подходить не будут, и он по всем причинам обречен сражаться в окружении врагов.

И вот его в этом боевом безумии сравнивают с диким быком в состоянии гона. Само по себе его определение "буй тур", "яр тур", – это определение сугубо эротическое. Причем больше того, гиперболизированной эротики. Можете первую букву в слове "буй" заменить на какую-нибудь другую. И тогда соответствующей матерной экпрессивной окраской вы получите хотя бы приблизительно тот эротический накал, который вкладывал автор в этот образ.

А дальше начинается самое интересное. Всеволод в состоянии, говоря сравнительно интеллигентно, охренения, у меня там было другое слово, но будет выражаться относительно цензурно, подобен быку в гоне и, логично, начинает терять

человеческий облик.

"Никакая рана не существенна, братья, тому, кто, забыв чести и живота", – продолжает автор "Слова". Всеволод забывает о чести, о том, что о нем будут говорить другие, ему не важно мнение окружающих. Уж это точно, ты сражаешься один против войска, и на мнение окружающих тебе сто процентов начхать, и тебе безразлична собственная жизнь.

Что важнее жизни? Забывает он и черниговский отцов золотой стол, то есть княжеский.

Ему безразлично мнение окружающих, собственная жизнь, то, что он князь, и княжеская власть. Видите, да? Оно идет по нарастающей – репутация, жизнь, социальное положение.

И тем не менее, это еще не конец. Что же оказывается кодой в этой самой цепочке?

Внезапно наивысшее, что Всеволод забывает, усиливает этот яростный эротический колорит: "*И своя милыя хоти красныя Глебовны свычая и обычая*".

И здесь начинается самое интересное. Для него выше его как личности, как человека, как князя оказывается его *хоть*, его желанная, его жена. А "свычая и обычая" – то, что Лихачев интеллигентно перевел как "любовь и ласку". Но поскольку у нас с вами эротическая культура отсутствует, то выражение "любовь и ласка" ни в малейшей степени не содержит для нас того эротического накала, который был в оригинале.

Относительно слова "хоть". Я всегда в связи с этим рассказываю о своих проблемах при, как ни странно, первом просмотре известного фильма "Анжелика", классического, старого, с Мишель Мерсье, когда Пейрак говорит Анжелике странные слова: "Я хочу, чтобы вы мне были не только женой, но и любовницей".

Когда я впервые в жизни это посмотрела, мне было лет двадцать пять, может даже и побольше. И я была просто в шоке, потому что для меня любовница – это женщина, с которой изменяют жене, и как можно быть не только женой, но и любовницей, если она уже его жена, это же технически невозможно!

Потом я, конечно, поняла, что имеется в виду: жена – это женщина, которая нужна для продолжения рода, и если она родила тебе наследника, про нее можно забыть. А любовница – это женщина, к которой ты испытываешь страсть и, соответственно, только страсть тебя подле любовницы и держит.

Грубо говоря, Пейрак хочет, чтобы между ним и Анжеликой был секс не только ради продолжения рода, но и в постоянной неослабевающей страсти, вот о чем идет речь. И на языке советской культуры 70-х, 80-х и даже 90-х годов это не имеет перевода, ты действительно не знаешь, как это сказать по-русски. Чтобы секс для них был не только долгом, но и страстью, как-то так. Сложно это переводится на русский язык.

Как мы говорили, в православной культуре любое вожделение порицаемо. Советская культура очень во многом это отношение наследует. Отказавшись от религиозных постулатов, она, тем не менее, прекрасно держится за многие подобные аспекты, и в частности, стериальность, запрет на страсть.

В советских фильмах страсть между положительными героями практически отсутствует, за редчайшим исключением. Можно найти, но все это будет со скрипом и с трудом, страсть – удел отрицательных персонажей.

Страсть именно к жене, страсть в браке – это то, что у нас исчезло в послемонгольский период, это то, что нам косвенно уничтожил Батый. Батый нам уничтожал не это, но получилось так, что это он уничтожил тоже.

Слово "хотеть" применительно к любовному чувству у нас категорически ушло в осуждаемую лексику. Она может быть абсолютно литературной, как слово "похоть". Но вы понимаете, что сказать "Дорогой (или дорогая), я тебя люблю, я испытываю к тебе похоть" – это не лучшее, что вы хотите сказать или услышать от предмета вашей любви. Похоть – чувство осуждаемое.

Из славянских языков только чешский сохранил корень "хотеть" в названии жены. В остальных не осталось. Будем мы с вами разбирать былину "Хотен Блудович", имя главного героя содержит прекрасный спойлер. Вы понимаете, что в сочетании со словом "блуд" глагол "хотеть" также означает чувство осуждаемое.

Между тем, в "Слове о полку Игореве" страсть между мужем и женой такая, что Всеволод именно через эту страсть к супруге, которая, заметьте, абсолютно отсутствует в отношениях Игоря и Ярославны в обе стороны, через эту безумную, звериную в хорошем смысле слова, туриную страсть к своей Глебовне оказывается категорически решительно маркирован положительно.

Удивительная вещь: Всеволод, как он нам дан в "Слове о полку Игореве", – лучший из бойцов, реальный человек, который способен в одиночку истреблять полчища врагов. При этом он, как это сказать-то поцензурнее… тестостерон из ушей, зашкаливающий совершенно, эротическое безумие, и это безумие сравнивается с его любовным безумием по отношению к жене. Подобного образа в произведениях классической русской культуры нет. В современных можно поискать. И Всеволод оказывается наивысшей точкой этой вот варяжской эротики.

Так что мы с вами закончили на высокой ноте, на этом самом боевом, оно же эротическое, безумии Всеволода.

А дальше будет все плохо, потому что дальше будет послемонгольская культура. И там уже совсем другая картина.

Часть 2.

Любовь под запретом

Мы начинаем с "Повести о разорении Рязани Батыем", с истории самоубийства Евпраксии. "Повесть о разорении Рязани Батыем" логично была написана достаточно скоро по-

сле гибели города, по горячим следам событий. И кстати, я деликатно напомню, что она является литературным, собака, произведением.

Выбор княгини Евпраксии

Наиболее повесть, конечно, известна образом Евпатия Коловрата. И если вы ее читали, вы знаете, что Евпатий Коловрат там берется абсолютно ниоткуда, внезапно, как говорит молодежь о современном кино и особенно о сериалах и фильмах, которые являются франшизой. Внезапно герой обнаружил, что у него есть любовь всей жизни, враг всей жизни или еще что-нибудь.

Вот этот самый Евпатий Коловрат появляется внезапно, что говорит о том, что перед нами – не исторический документ, а именно некое художественное переосмысление событий. И самоубийство княгини Евпраксии, стоящее в таком тексте, тоже, в общем, не обязательно исторический факт, поскольку один заведомо неисторический факт в этом тексте точно есть.

Говорится об этом весьма кратко: как мы выяснили с вами в прошлый раз, художественный стиль домонгольской Древней Руси быстренько там и погиб, под копытами татарской конницы, при взятии городов, вместе со своими носителями.

В переводе на современный русский язык рассказ звучит так: один из дядек погибшего князя "*поспешил к благоверной княгине Евпраксии, рассказал ей, как нечистивый царь Батый убил благоверного внязя Фёдора Юрьевича. Благоверная*

же княгиня Евпраксия стояла в то время в превысоком тереме своём и держала любимое чадо своё – князя Ивана Фёдоровича, и, услышав столь смертоносные, полные горя слова, бросилась она из превысокого терема своего с сыном своим князем Иваном прямо на землю и разбилась насмерть".

Что в этом фрагменте должно привлечь ваше внимание? Что в ее поступке, как бы это помягче сказать… требует некоторого комментирования, обсуждения? Ведь здесь мы имеем дело с очень жестким нарушением норм. И это не убийство ребенка – такой ответ может дать человек 21 века, безусловно, который жизнь ребенка ставит очень высоко. Самоубийство! Это смертный грех.

Поступок княгини Евпраксии совершенно откровенно не христианский. Он идет категорически в разрез с христианскими догмами. Она совершает самоубийство и остается при этом положительной героиней.

То, что она убивает своего сына вместе с собой, в контексте ее поступка вполне логично, потому что или его ждет смерть под татарскими саблями, или что же, он, князь, вырастет в плену татарским холопом? Как это вообще?

То, что Евпраксия убивает своего сына, видимо, может сильно действовать на нервы современному человеку. Мне тут трудно сказать, потому что я-то эту историю знаю с дошкольного возраста, и для меня на моих эмоциях в шесть лет там вся ситуация трагична.

Трагична гибель Рязани, вы знаете, что Рязань не возро-

дилась, и то, что нынче называют Рязанью, – это исторически Переяславль-Рязанский. А тот город как был снесен Батыем, так его и нет до сих пор. Трагична гибель князя, трагична гибель Евпатия Коловрата, в обстоятельства которой я в шесть лет верила, что да, по нему били из глинобитных орудий, шестилетний ребенок в это верит, как миленький. Прикольно, что в это верят некоторые взрослые люди на полном серьезе.

И в этом смысле то, что княгиня не желает быть татарской пленницей и для своего сына-князя выбирает смерть, а не бесчестие, для меня было абсолютно логично и не смущает до сих пор. Но тут скорее вопрос раннего вхождения. К тому же, возможно, не все отчетливо представляют себе, о чем именно шла речь. Хорошего варианта для сына князя в тех обстоятельствах просто не существовало – ребенок, повторюсь, или погиб бы от татарских сабель, или вырос бы невольником в Орде, и это была бы очень плохая судьба для любого человека, не только для знатного.

Почему я начинаю со смерти Евпраксии? Потому что вполне понятно, что Евпраксия здесь, я бы сказала, последняя на долгие века свободная женщина Руси. Она любит своего мужа, своего сына и, движимая чувством индивидуальной любви, поступает категорически вразрез с христианскими догмами. Она очень четко следует этой самой древнерусской традиции, вне зависимости от того, что там было в реальности. Я еще раз напоминаю, что "Повесть о разорении

Рязани Батыем" – не исторический источник, а источник литературный, художественные образы, а уж из чего они сделаны, вопрос второй.

Есть и еще один аспект. Отношение к детоубийству в традиционном обществе и сейчас очень разнится. Как вы прекрасно знаете, в современном обществе легализовано убийство нерожденного ребенка. К абортам общество относится в целом нормально, а в СССР это было практически средство контрацепции за фактическим отсутствием противозачаточных. В то время как убийство новорожденного или маленького ребенка – это преступление, причем как с точки зрения уголовного кодекса, так и с точки зрения отношения общества, что вы мне сейчас прекрасно продемонстрировали.

Это потому, что у нас, батеньки мои, так хорошо развита медицина. В традиционном обществе аборт может стоить жизни матери и угрожает бесплодием (последнее, кстати, возможно и сейчас). И заметьте, что угроза жизни матери – это полбеды, ну сдохнет и сдохнет, на другой женится, это не страшно. А если бесплодная женщина выйдет замуж, прервется чья-то генетическая линия.

Тут есть и очень важный момент, о котором мы сейчас совершенно не думаем, идущий еще из глубокой зоологии. Если речь идет о зверушках, это так называемый альтруизм среди животных, когда то или иное животное готово пожертвовать своей жизнью, но спасти своих детей. Это касается млекопитающих, птиц, можете сами погуглить, как жи-

вотные защищают своих детенышей ценой жизни. Фавориты альтруистические, как мне тут подсказывают, – пауки и осьминоги. Животные, зоологически твари сравнительно неразумные, спасают свои гены.

Обратная ситуация присутствует, например, в восточном искусстве: совсем недавно мне попались эмоции некоей дамы с очень серьезным медицинским образованием. Дама смотрит не то китайский, не то корейский сериал и пишет сильно эмоциональный пост на тему, что главный герой готов положить свою жизнь и жизнь некоего количества положительных героев на то, чтобы убить потомка врага своего предка.

И с точки зрения современной логики это полный абсурд и идиотизм. А с точки зрения зоологии это прерывание вражеской генетической линии, и если генетическая линия враждебна, надо истребить абсолютно всех.

Когда мы говорим о зоологии и о сильно социальном поведении человека там, где роль личности не слишком велика, все упирается не в персону, одну штуку, а в генетические линии.

Это у нас было лирическое отступление о вреде абортов в традиционном обществе. Современный человек о генетических линиях думает очень мало, традиционный человек об этом заботился в огромной степени. А аборт в русско-народных условиях – риск, что женщина иметь детей после не сможет.

Хрен с тобой, что ты умрешь, дура, лучше б ты сдохла. Но если ты прерываешь генетическую линию твоего мужа, то ты… дальше некоторое количество руссонародных выражений, выражающих крайнюю меру осуждения. Аборт – в народной культуре, в традиционной культуре, – это очень и очень плохо. Аборты делали, есть в опросниках для исповеди вопрос "в собе или в подруге уморила ль еси зельем?", то есть, не вытравила ли дитя? Но отношение к этому было резко отрицательное.

Жили-были старик со старухой, не было у них детей, вот она, трагедия. Бездетность супружеской четы – стандартный зачин сказки, которая должна начинаться с катастрофы. Бездетность и есть такая катастрофа. И когда мы говорим о том, что бесплодие – это риск голодной старости, мы рассуждаем, как современные люди. У них там вопрос прерывания генетической линии мог стоять более остро, чем то, что они сами рискуют умереть от голода.

А вот тему убийства младенцев мы будем обсуждать чуть-чуть попозже, и глобально мы имеем зеркальную ситуацию. Аборт у нас не карается по закону, а убийство ребенка – страшное преступление. У них – наоборот.

Поэтому надо понимать, что с точки зрения древнерусского человека самоубийство Евпраксии – это ой, шок и так далее. А то, что она при этом убивает своего сына – это нормально. И прочувствовать, чем мы с вами отличаемся от людей 13 века.

Татары как Божья кара

Евпраксия погибла, разбилась, бросившись из своего высокого терема. И, как я уже многократно говорила, во времена ига у нас гибнет языческая традиция, потому что она была устной. И логично, что носителей высокой языческой традиции просто перебили. Не адресно, но у капищ же не было частоколов, а хранились там большие богатства. Понятно, что если в церковь жертвовали, то и на капища жертвовали, сокровища там были те еще.

И естественно, что Орда приходит, не глядя, сметает этот частокол, грабит капища, попутно убивая всех, кто там шатался. И таким образом у нас погибает наша мифологическая языческая традиция.

И складывается следующая ситуация. С одной стороны, церковь говорит очень простую вещь: что безбожный царь Батый прииде по грехом нашим, то есть нашествие татар – это божественная кара Руси за то, что она пребывала в двоеверии, за то, что даже князья отай, то есть тайно, продолжали справлять языческие праздники, за междоусобицы и так далее.

С другой стороны, если по вашей стране шастают вооруженные иноземцы, то логично, что вы всех своих женщин будете максимально запирать и прятать. А поскольку у нас тут с вами аудитория-то в основном женская, любой из нас легко представить себя в положении хоть деревенской женщины, хоть княгини, и желание показываться куда бы то ни

было у нас с вами будет нулевое. Мы будем сидеть тише воды, ниже травы, потому что в стране монголо-татары, и риск быть уведенной в полон так или иначе не малый.

И соответственно, с одной стороны православные догмы требуют, чтобы женщина пикнуть не смела, с другой стороны, два века ига требуют примерно того же самого. И в результате вся эротическая культура оказывается, в общем, уничтоженной, любовная культура вымирает как таковая в принципе, и мы получаем то, о чем мы будем говорить сегодня.

Сразу деликатно замечу, что православная церковь того времени всячески требовала, чтобы к татарам как к воплощению гнева Божия относились со смирением, дань татарам платили исправно, что всячески подчеркивается в соответствующих древнерусских текстах и проходится в курсе древнерусской литературы.

Известный всем факт: князь Дмитрий Иванович перед Куликовской битвой ездил за благословением ажно в Радонеж к Сергию. От современной Москвы Радонеж в 80 километрах, а тогда Москва была с гулькин нос, примерно Кремлю с Китай-городом и равнялась. За сотню с лишним километров ехать. Это сейчас у нас час на электричке, а тогда это, сколь я понимаю, на коне три дня пути, долго им пилить было.Че он поближе не нашел никого, кто его на битву благословит? Есть мнение, что попросту потому, что ближе както его никто не хотел благословлять ратиться с татаро-мон-

голами.

Но это так, маленькое лирическое отступление. Стало быть, мы сегодня будем говорить об этих самых церковных идеалах смирения, о том, как они воплощались, и с другой стороны, как их пытались, мнээ, обходить.

И начнем мы с воздержания.

Даже сейчас представления по поводу супружеской сексуальной жизни в определенные периоды в православии разнятся. Популярно мнение, что сексом нельзя заниматься в постные дни, это два дня в неделю плюс все посты, плюс накануне воскресенья, плюс по праздникам туда-сюда… Добавим сюда неприятие телесной страсти, вожделения. Я примерно понимаю, как женщина может заниматься сексом без страсти, я не очень понимаю, как это возможно для мужчины, но тем не менее вот так. Как сказал кто-то из авторов рубежа 19-20 веков, цитата мне очень нравится, что венцы брачные – это вериги мученические.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.